

ИТОГИ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ ССП

2-й пленум правления ССП прошел активно и плодотворно. В центре внимания пленума стояли вопросы критики, вопросы о повышении ее качества и усилении классовой бдительности. О критике высказывались и писатели, и сами критики, и читатели, — правда, последние были представлены на пленуме недостаточно и неорганизованно.

Обсуждение носило серьезный, деловой характер, обеспечив тем самым принципиальность постановки и разрешения основных задач критики. Единственно отмечалось, что для преодоления отставания критики, для превращения ее в передовой отряд советской литературы, у нас имеются сейчас все условия: ликвидирована сейчас вся замкнутость критики, сокрушительный удар нанесен групповщине, критика наша в целом выросла и идейно окрепла. У критики еще, правда, много недостатков и слабостей, но все они, даже вместе взятые, не дают основания для пессимизма и отчаяния охланивания нашей критики. Подлинно большевистская самкритика, — т. е. беспощадная и всепроникающая критика недостатков и достоинств, одновременно с конкретным указанием как их исправить, как поднять нашу критику на уровень задач, перед ней стоящих, — вот что нужно нам сейчас и что составляет основное содержание докладов и прений о критике на пленуме.

Большим problemом в докладах о критике являлось отсутствие в них анализа национальных литератур и состояния их критики. К сожалению, и сами делегаты надрессировали в очень малой степени воплотили этот problem. Это показывает, что огромное культурное богатство национальных литератур Советского Союза нами еще не освоено.

Но критика наша не только не освоила еще литературы надрессировали, она далеко не в полной мере знает и русскую советскую литературу, ведущую среди литератур народов СССР. Неожиданно и справедливо отмечалось отсутствие синтетических критических обзоров произведений советской литературы по темам, по типам и характерам, по жанрам. Многие писатели, особенно из молодых, полагаясь на интуицию, на множество книг, чертенок, очень немногих, имеют лишь нечто не горючие реплики. В заключительной речи на пленуме А. М. Горький справедливо сделал упрек в этой критике: «...и критики и литераторы обнаруживают все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики — должны заслуживать, — которые прошли незамеченно». В резолюциях пленума этот факт также отмечен.

Наши литературные журналы и литературные газеты должны после пленума тщательней вести работу по разбору и отбору выходящих и уже вышедших книг. Жалобы некоторых критиков на то, что не о чем писать, за последнее время нет больших и интересных книг, свидетельствуют лишь о двойном удобстве самих этих критиков. Двойном, ибо, во-первых, новых книг выходит у нас немало, и хотя качество их неоднородно, все же материал для критики они представляют богатый. А, во-вторых, — критик должен работать не от случая к случаю, не от одной замечательной книги до другой, еще более замечательной. Критик должен чутко прислушиваться и зорко наблюдать за всеми процессами, происходящими в нашей литературе, процессами, которые далеко не всегда явны. Эти скрытые, попутные процессы надо особенно умело обнаруживать и, если они враждебны делу социализма, их необходимо разоблачать со всей беспощадностью. Но бывает и так, что в этих скрытых, едва намечающихся процессах заключено начало той третьей действительности, о которой говорил А. М. Горький, действительности будущего. «Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включать в наш обиход, дол-

жны изображать ее. Без прее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма». (М. Горький).

Культура труда, как сознательно творчество человека, вот что нам, литераторам, надо усвоить в первую очередь. Под этим углом зрения необходимо рассматривать и развитие нашей литературы и критики, если мы хотим раз и навсегда покончить с отставанием литературы. Быть культурным для нас не только значит быть хорошо начитанным в различных областях знания.

Быть культурным — это значит для нас прежде всего понимать и чувствовать, как создавались и создаются культурные ценности. — а это возможно лишь тогда, когда человек сам является непосредственным создателем культуры. Абстрактная книжность свойственна лишь эксплуататорским классам, нам она совсем не к лицу. «Отношение к истории культуры у нас таково же, как и у людей, которые веками привыкли жить чужим трудом и органически не понимают всеобъемлющей силы, силы труда. Творческие, организующие качества и свойства человека организуются трудом. Вот это достаточно усваивается и понимается. А в нашей стране, казалось бы, это должно быть понято особенно, потому что то, что делается человеческим трудом в нашей стране сейчас, — это же совершенно фантастично, сказочно».

Эти сказочные деяния героев нашей действительности должны наполнить наши сердца пафосом большевистского труда и борьбы за изживание отставания нашей литературы и в частности критики, за создание полноценных произведений, правдиво и просто рассказывающих о подвигах героев социалистического труда. Только в наших условиях расцветает личность и проявляется каждая индивидуальность, способная обогатить содержание нашей культуры. Вот почему и русскую советскую литературу, ведущую среди литератур народов СССР. Неожиданно и справедливо отмечалось отсутствие синтетических критических обзоров произведений советской литературы по темам, по типам и характерам, по жанрам. Многие писатели, особенно из молодых, полагаясь на интуицию, на множество книг, чертенок, очень немногих, имеют лишь нечто не горючие реплики. В заключительной речи на пленуме А. М. Горький справедливо сделал упрек в этой критике: «...и критики и литераторы обнаруживают все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики — должны заслуживать, — которые прошли незамеченно».

Кроме докладов о критике пленум заслушал также доклады «История заводов» и «История гражданской войны». Работа этих докладов, начатая по инициативе А. М. Горького, развернулась в большое движение и прочно вошла в нашу литературную и в общекультурную жизнь. «Историей заводов» уже издан ряд книг, «Историей гражданской войны» подготовлен к печати первый капитальный том. Собрано громадное количество материалов из истории рабочего движения и истории гражданской войны. Особенно замечательная работа проделана в этом отношении секретариатом «ИГВ», архивы и справочная библиотека которого представляют собой богатейшее собрание документов революции. Тысячи участников революционных боев привлечены в качестве авторов истории своей борьбы.

Как показали доклады на пленуме и их обсуждение, писатели еще далеко не достаточно включились в эту работу, а между тем, судя по опыту, она может дать им очень много.

Научные методы работы, плановость, широко применяемые «ИФБ» и «ИГВ», могут способствовать развитию ремесленного верхоглядства и кустарничества, вносящих еще широкое хождение среди литераторов, способствовать расширению писательского «свадела».

Они должны явиться также инициаторами новой громадной работы, предложенной А. М. Горьким. — «История деревни», которая, согласно решению пленума, должна стать делом всего Союза советских писателей.

Пленум провел большую работу. Нужно ее умело подытожить, реализуя все ценное, что дал пленум. Пусть большой плодотворной работы впереди. С честью пройти его — такова задача!

ТОВ. МОЛОТОВУ

Дорогой Вячеслав Михайлович!

Мы, представители литератур всех народов нашей великой социалистической родины, собравшись на 2-й пленум правления Союза советских писателей СССР, шлем вам горячий, искренний привет. В вашем лице мы приветствуем главу советского правительства, неутомимого борца за дело коммунизма, боевого соратника великого, гениального Сталина.

Мы всеосмысленно ощущаем ваши заботы о неуклонном развитии социалистического искусства Страны советов. Мы не раз обращались к вам по вопросам дальнейшего подъема литературного движения и всегда встречали дружеское внимание, мудрый совет и всестороннюю поддержку. Такой подход неизменно вызывал горячие отклики в рядах советских писателей и способствовал нашей борьбе за высокое качество советской литературы.

В своем докладе на 7-м съезде советов вы дали высокую оценку нашему писательскому съезду.

Мы, участники пленума, обсуждая первые итоги выполнения решений съезда, обоим вам и в вашем лице советскому правительству и всем трудящимся СССР, что под знаменем славной большевистской партии и под руководством нашего вождя, учителя и друга, родного Сталина, мы писатели великой страны, отдадим все силы, энергию и знания на борьбу за беспощадное социалистическое общество, могучую литературу, достойную великих побед социализма.

Да здравствует советское правительство и его испытанный руководитель, тов. Молотов!

Да здравствует наша родная ленинская партия!

Да здравствует великий зодчий социализма, гигант большевистской мысли и действия, тов. Сталин!

2-й ПЛЕНУМ ССП СССР

Тов. Сталину

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

После нашего Всесоюзного съезда, мы, советские писатели, впервые встречаемся в Москве. В эти дни работы нашего пленума наши мысли и чувства, как всегда, связаны с вашим именем, именем вождя партии, вождя страны, вождя трудящихся всего мира. Великий стратег и тантин пролетарской революции, вы руководили пролетариатом в большевистском подполье и в победоносных боях гражданской войны как лучший соратник ЛЕНИНА.

Приняв знамя диктатуры пролетариата из его рук, вы привели страну к окончательным победам. Эпоха ЛЕНИНА и СТАЛИНА должна быть ярко отражена в нашей литературе. Советские писатели ставят себе высокую задачу: показать в художественных образах, как воплощаются ваша воля, ваша мысль, ваши чувства в истории этой эпохи и превращаются в человека сегодня, в строителя социалистического мира.

В «Истории фабрик и заводов» и в «Истории гражданской войны» должны быть запечатлены незабываемые образы героев пролетарской революции.

Только при вашем руководстве социалистическая родина может вырастить миллионы новых людей, полных стремления бороться за дело социализма. И вместе с этими новыми людьми мы, обновленные, как вся наша страна, дадим беспощадный отпор всяким покушениям врагов социализма.

ПЛЕНУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Тов. Ворошилову

ДОРОГОЙ КЛИМЕНТИЙ ЕФРЕМОВИЧ!

Ваше имя — имя луганского слесаря и железного парнома Клима Ворошилова — стало легендой, как легендарной давно уже стала в сознании трудящихся масс героическая эпопея Рабоче-крестьянской Красной армии.

Нет большей чести для советского писателя, чем избрать вас в числе своих великих друзей, нет большей гордости для советского писателя, чем избрать в художественной форме величие вооруженного трудового народа и мобилизовать его волю к грядущим победам.

Мы обсудили на нашем пленуме вопросы обороны и, откровенно говоря, почувствовали огромный свой долг перед страной, перед Красной армией.

Тысячи не обещанных еще в художественную плоть Чапаевых жгут кисти советского художника слова.

Мы обязуемся показать их нашей стране, пролетариату всего мира, дать художественные портреты сегодняшних командиров военных округов, дивизий, полков, бывших боевых командиров многочисленных фронтов гражданской войны. Мы обязуемся дать произведения, достойные героической борьбы нашей страны за совети.

Войдя к сокрушительному удару, к полному разгрому врага на его территории мы насытим каждую строку наших страниц.

Сгущаются грозные тучи на горизонте.

За пограничными столбами нашей социалистической родины пахнет порохом и кровью.

Спокойно и уверенно стоит наша страна социализма, брешь всеми силами и средствами свою оборону.

Несется в ответ на вражеское обранение оружия блещущий молоток:

Да здравствует коммунистическая партия и ее вождь Сталин!

К борьбе и победам — готовы!

Привет железному парному!

Готовые по первому вашему зову отдать все и, если нужно, жизнь в защиту нашей социалистической родины, советские писатели вторят своей стране:

Да здравствует коммунистическая партия и ваш любимый Сталин!

Привет железному парному!

К борьбе и победам готов!

2-И ПЛЕНУМ ССП СССР



Урал Тансыбаев. «Раскрепощение женщины».

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

Один критик поставил перед собой задачу: ко дню 8 марта собрать типические образы советской женщины, созданные нашей литературой.

Он рыло выискал за дело, вызывая в памяти одну за другой фигуры героинь наших романов и повестей. Но странность его усложняла, усложняла, разваливались и самые фигуры.

Среди образов женщин эпохи волевого коммунизма память задерживается на Вирине, на малодушной Даше. Но эти образы почти одиноки, они не окружены другими. Шахтерша из «Разгрома»? Лаврентьевка фронтовые женщины? Нет, нельзя говорить о типе женщины этого периода, он не создан, его трудно воссоздать!

Критик вспомнил о Наталии Тарповой, но и ее он печально отвал. Он решил держаться ближе к современности. Всплыла из тумана «Первая девушка» Болотина — поруганная, истерзанная. Вспомнилась илюбовская Ивета и рядом с ней Варвара Белева, секретарша парткома из «Личной жизни» Солдатов. Обе претензиозные, каменные, отнюдь не показывающие женщину — партизанку, хозяйственницу.

Память остановилась на девушке-подростке из «Скутаревского» Леонова, на комсомолке Полозовой («Человек меняет кожу»). Здесь поразила второстепенность, «полюбовность» этих персонажей, их служебная роль, подчеркивающая основные мужские фигуры.

Критик прочитал внимательно вышедшее в 1934 г. «Одеяло из войлока» Копыловой. «Рассказ о познании» Караваева. Но... эти книги посвящены дореволюционной эпохе, женщинам, не могущим претендовать на звание новой, советской женщины.

Попутно критик вспоминался, что наши театры в поисках ролей, на которых можно было бы актрисам развернуть свои силы, обращаются к Шекспиру, Бальзаку, даже Дюма. Нет, нельзя писать обзора типических образов советской женщины в нашей литературе!

для миллионов работниц и колхозниц — еще не создано.

Вспоминаются дореволюционные гимназические сочинения на тему «Татьяна Ларина — идеал русской женщины». В этом была своя логика. Господствующие классы пользовались любым способом для идеализации дворянско-самодержавной строй. Фигуры Татьяны и «капитанской дочки», тургеневских девушек и толстовских героинь служили для этого вполне добротным материалом. Эти героини с их женственной полнокровностью, неслыханным обаянием мечтаний и страстей — пусть ограниченно помещичьих или буржуазных, но подлинных мастеров писателя на огромном художественном вылете — становились и в самом деле идеалами многих влюбленных и девушек старой России.

Мировая литература постоянно возвращалась к теме о женщине, как к великой вечной теме. Каждая эпоха подымала на pedestal образы своих героинь, — то властных и кровососных, то нежных и покорных, мыслителей и страдальниц. Федя, Антонио и Лизистрата, Беатриче и Лара, Оберина, дель Маркет и Дездемона, женщины Балзака, Фоберовская Бовари, Соня Мармеладова и Настасья Филипповна Достоевского и многие другие, — разве это не подлинные памятники различных времен и эпох? Разве в каждой из них как в зеркале не отражались мысли, нравы, общественная и индивидуальная психология этой эпохи? При этом поражает сила возмущения, идеализация женского образа, достигнутая великими писателями прошлого.

В великих революционных боях, в социалистическом строительстве сотни тысяч и миллионы трудящихся женщины сбрасывают оковы прошлого, получают доступ к квалифицированному труду, к вершинам культуры и знания. Миллионы женщин познают радость здорового, охраняемого государством, материнства, которое перестало быть похотей общественной активности. Десятки и сотни тысяч работниц и колхозниц выступают на государственной, хозяйственной и партийной работе, показывая неумирающие примеры быстрой ориентировки, работоспособности, самостоятельности. Труд комсомолок на индустриальных предприятиях, при создани-

метро и т. д. — останется в преданиях и реконструктивном периоде. Лишь нашей колхознице яркое представало перед страной на трибуне II Всесоюзного съезда колхозниц-ударниц.

Но и этим не ограничиваются наше представление о современной трудящейся женщине. В нашем сознании живут героические образы работниц Гамбургера и Вены, Барселонки и Астурки — образы, достойные женщины Парижской коммуны.

Таков объем материала, с которым приходится иметь дело писателю, когда он задумывается над образом женщины-революйки. Быть может, еще трудно кристаллизовать основные решающие черты советской женщины. Не легко, быть может, решить проблему сюжета (если хотите отойти от привычных штампов). Но для того, чтобы найти все это, надо искать: настойчиво, упорно, с упреждением. А у нас этого писателя не делают, молчаливо утворюються пока что не выводя женщину из «вторых ролей».

Нет нужды перечислять темы, связанные с образом советской женщины второй пятилетки. Писателям эти темы хорошо известны. Мелает, скажем прямо, инерция, оставшаяся безусловная сложность задачи — не впасть в трафарет, в очерковую поверхность. Это надо преодолеть.

Всем памяти слова т. Сталина на XVII съезде партии о роли трудящейся женщины в нашу эпоху: «Женщины, — говорил он, — составляют половину населения нашей страны. Они составляют громадную армию труда и они призваны воспитывать наших детей, наше будущее поколение, нашу будущность... Вот почему мы должны приветствовать расцветающую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты, как несомненный признак роста нашей культуры».

Эти слова нашего гениального вождя должны быть восприняты советской литературой, как требование к советским писателям: показать рост значущей трудящейся женщины в нашей стране. Советская женщина жлет от писателя больших произведений о себе, о радости жить и работать в наше великое время.

А. ЧЕРНЯВСКАЯ

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ ССП СССР

РАДОСТЬ НАША И ГОРДОСТЬ

Выступление тов. Коревановой

— Товарищи, я, начинающий писатель, жажду от критики его слова так, как соловей жаждет теплого лета. Былают такие минуты во время работы над книгой, когда готов отдать все, лишь бы кто-нибудь помог, лишь бы кто-нибудь посоветовал, лишь бы с кем-нибудь можно было поговорить.

Я бы попросила критических работников вздумаво разбираться в наших книгах и помогать нам, начинающим писателям.

Скажу о себе прямо, что у меня опыт жизни большой, материала много в голове, но мне нужна помощь.

Здесь говорилось о необходимости создания книг по истории фабрик и заводов. Я целиком согласна, что это необходимо. Я очень довольна, что моя книга идет через редакцию «Истории заводов», только очень жалела, что многие из нее утеряны в редакции, которая печатала отрывки из моей книги. Потерялись мои заметки о работе моей на текстильных фабриках.

Как я создавала книгу? Я начала ее создавать очень давно. Еще в 1894 г. я начала писать дневник, в который записывала все происходившие события, события своей жизни. Ну, тетрадь, тетрадь, тетрадь, и потом снова по купила тетрадь, снова заполнила; таким образом накопились порядочно тетрадей. Один раз я сижу, пишу, увлеклась и не заметила, как зашел поп в комнату, стал надо мной и смотрит, как я пишу и что я пишу. Потом я оглянулась. Вижу, стоит человек. Я испугалась, вскочила. Он взял эту тетрадь, посмотрел и говорит: я возьму, прочитаю и отвечу тебе, а ты через неделю приходи за ней. Вы знаете, как мы тогда боялись попов, — власть была их. Мне жалко моей тетради, уж очень там много было написано, и боялась я, что снажет поп, когда прочтет. Он унес эту тетрадь. Через неделю я прихожу за ней — не прочитал, прихожу через две недели — не прочитал. Ходила я ходила, наконец, прихожу еще раз, и попадаю мне заявляют: кухарка собирала разные бумажки и все вместе с тетрадью сожгла в печке. Я очень пожалела, и начала писать опять. Накопила опять много тетрадей. В 1902 г. мой муж умер, я пошла работать на фабрику. Оставила свои вещи — сумочки и эти тетради — дома, а у меня родной матери не было, у меня была мачеха, которая терпеть не могла меня за то, что я пишу и читаю. Часто в детстве была меня за это. Так вот она нашла эти тетради и сожгла их в печке. Вот какие неудачи были со мной.

Потом, до 1916 г. я писать не стала, — раз у меня так неудачно дело пошло — не нужно писать, да потом и время не позволяло, мне пришлось ходить по работам.

В 1916 г. я работала в больнице. Это было очень интересное время. Я видела много больных солдат, много военнопленных, и я опять начала вести дневник. Вот из этого у меня и получились книги.

В 1932 г. случайно я попала в пленум правления ССП СССР.

Потом, до 1916 г. я писать не стала, — раз у меня так неудачно дело пошло — не нужно писать, да потом и время не позволяло, мне пришлось ходить по работам.

В 1916 г. я работала в больнице. Это было очень интересное время. Я видела много больных солдат, много военнопленных, и я опять начала вести дневник. Вот из этого у меня и получились книги.

В 1932 г. случайно я попала в пленум правления ССП СССР.

ТОВ. КАГАНОВИЧУ

Дорогой Лазарь Моисеевич!

С чувством безграничного восхищения, гордости, счастья мы, советские писатели народов СССР, осмотрели Московский метрополитен. Строители метро не только дали пролетарской столице превосходную транспортную магистраль, но также трудности и упорство подземной стихии, блестяще разреши технические задачи.

Строители метро создали яркое, вопиющее художественное произведение социалистической стройки, воплотившее неиссякаемую инициативу великого зодчего социализма, тов. СТАЛИНА, творческую мощь большевистского коллектива.

Горячую любовь и беззаветную преданность сынов Советской страны своей родине.

— Мужество и смелость отважных коваторов,

— Великий пафос создания.

Пройдут дни, и страна, где победил пролетариат, где руководит партия ЛЕНИНА—СТАЛИНА, а труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма, — наша страна будет отмечать все новые и новые победы социалистического строительства. И в этой сознательной деятельности метро и его герои будут жить как героический пример, воодушевляющий и ведущий, как командная вышка, с которой стало виднее и отчетливее будущее.

И ваше имя, имя ближайшего соратника великого СТАЛИНА, одного из руководителей партии, живой души многих дел и строек, — неразрывно связано с метро, созданным под вашим талантливым и блестящим руководством.

Лазарь Моисеевич! Партия и правительство послали вас, секретаря ЦК, на решающий участок в дальнейшем развитии народного хозяйства, и этим социалистическому транспорту дан железный нарком.

Примите наш непоколебимую уверенность в том, что под вашим руководством проблема транспорта будет решена в кратчайшие сроки.

Примите наш пламенный привет и заверения от всего сердца в том, что советские писатели все свои помыслы и силы отдадут делу социализма.

Да здравствует великая партия ЛЕНИНА—СТАЛИНА!
Да здравствует его верный соратник Лазарь Моисеевич КАГАНОВИЧ.
2-И ПЛЕНУМ ССП СССР



А. Г. Кореванова.

оргомитет, и там меня угорюили писать.

Моя жизнь началась когда-то, в старое время, в XIX веке, в капиталистическом мире, а конец мой доходит в социалистическом Советском Союзе. Мой возраст показывает мне, что подходит время умирать, я еще не чила, а только что родилась на свет и хочу жить. Я жить хочу, а время так летит неимоверно быстро и дегиает меня и кончу. Я так бы остановилась — постой ты, жизнь, не крутись, ты теперь стала так красива, заманчива, дай поглядеть на тебя. Я боролась за тебя с юных лет, хотя неумело, неправильно, но все же боролась и ждала: вот я поживу, вот я буду свободна. Я дождала и увидела светлую радостную жизнь, — только бы жить и жить, а возраст мой мне противоречит.

И вот я оглядываюсь назад. Как же протекала моя длительная жизнь, мое детство, моя юность? В памяти так ясно выплывают те ужасные картины прошлого, от которых теперь сердце сдогагается. Я задаю себе вопрос: как же это я жила и как осталась жива?

Эта старая жизнь нас всех давила, высасывала нашу кровь, я была голодна, нага, боса и без крова. Я изучила всю жизнь низоу, я испытала ее во всем. Жизнь протачила меня сквозь строй, в нание только ущелья она меня ни толкала? Она научила презирать прошлое, любить и ценить настоящее время. В нашей прошлой жизни мы жили только снами и смехом. Я плакала и рыдала. На работе — мы плачем и смеемся, голодом сидим — поем и смеемся, нагрелим чего — плачем и смеемся.

При появлении какого-нибудь туза или полиции мы шарахались в сторону, прокинали их и смеялись над ними и стремились чем-нибудь мелким ушипнуть их.

А теперь в социалистическом Советском Союзе я, 70-летняя старуха, вот сижу в кругу молодых товарищей, всеми уважаемая, веселая и спокойная, и передо мной на столе — чегу душа моя желает. Мой круг — молодые, здоровые, смелые товарищи, представители советской литературы, ударники коммунизма вокруг меня тесным кругом и с теплым вниманием ко мне. И несмотря на мой возраст, советская власть дала мне возможность быть писательницей, я возвышена ею, являясь членом Союза советских писателей и приндвинута к высокой власти — я член ревизионной комиссии Союза писателей.

Вот какая разница двух миров. Один мир — капиталистический — заставляет ужасаться и поражаться, в каком бедствии находится рабочий класс.

Наш социалистический Советский союз заставляет восхищаться и радоваться уже, стариков и женщин, не говоря уже о трудоспособных.

Социалистический строй, власть советов — радость наша и гордость. Да здравствует власть советов, коммунистическая партия и наш родной Сталин. (БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ).

М. ГОРЬКИЙ

РЕЧЬ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА 7 МАРТА

Резолюции пленума

по докладам тт. Беспалова, Шагинян и Афиногенова

(Появление А. М. Горького делегаты приветствуют стоя, продолжительной овацией.)

— Если считать все время, которое тратится на аплодисменты, то получится страшно много времени. (Смех.)

И думаю, товарищи, вы не потребуете от меня детального и подробного изложения всего, что здесь было сказано, ибо это совершенно невозможно. У меня было слишком мало времени для того, чтобы прочитать все эти очень обстоятельные речи, сделать из них определенные выводы и осветить сказанное на пленуме так, как оно того достойно. Я передаю вкратце только впечатление, которое у меня получилось от чтения стенограмм.

Впечатление таково, что, пожалуй, слишком преобладали вопросы профессионального характера над вопросами, так сказать, общего идеологического, социально-политического значения.

В вопросах профессионального характера, там, например, где речь шла о тематике, недостаточно ярко выступала необходимость расширения и углубления тематики.

Видите ли, в чем дело, товарищи. Вот у нас был и есть древний русский крестьянин, воспитанный в совершенно определенной обстановке, которая в 20-м столетии оставила его человеком 16—17-го столетия. Этот крестьянин, тем не менее, в краткий срок, в 17 лет, сделал фантастический прыжок в 20-е столетие, к социализму. Естественно, что кулак, «мироед», ростовщик, лавочник должен был оказать всякое сопротивление в каких-то особенно сильных формах, формах практических. Он и оказывал это сопротивление именно так.

У нас, в нашей литературе, это не проследилось. Не удалось нам отобразить людей этой кулацкой породы в одном тоне, в крупном образе. Возьмите, например, их способности борьбы. Вы, конечно, знаете их, но, мне кажется, очень многое ускользнуло от вашего внимания.

Когда, например, кулаки зарывали в землю хлеб, то некоторые из них замечали, что от этого обильно разводится мышь. Мышь — очень хороший вредитель. Мышь стоит любой стране очень много, а нашей стране — страшно много. Она истребляет хлеба на большие десятки миллионов рублей.

Аргументация врага сильнее нашей. Писатели мы не отметили этого в драмах и рассказах с должной силой. Мы аргументируем идеями, а они аргументируют делом.

Машины, входя в обиход сельского хозяйства, пугают птиц. Кулак это очень хорошо ушел и говорит: «Чорт с ними, с этими машинами, добра от них не будет. Птичек насекомоядных распугали, насекомых разведет больше, — все равно вред будет!»

Даже и это мелочь сумели уловить! И все время возвращаясь в сфере профессиональной, как оно и следует. И вот я должен сказать, что эта тема — «кулак» — не дана. Не дан в его настоящем виде.

Затем, этот враг пережил некоторую эволюцию — от убийства своих собственных детей и внуков, от поджогов, от многочисленных убийств селькоров и т. д. до отравления хлеба гноями, стеклом и т. д., как это случилось на последнем процессе Ошнина.

Эта «эволюция» не была прослежена, а она означает упадок силы сопротивления врага, т. е. поражение его.

Осталась без внимания женщина в ее росте.

Осталось без внимания очень многое. Как я не один раз говорил уже, остались совершенно без внимания дети. О детях мы почему-то не писали, а ведь раньше буржуазные писатели писали и не плохо.

Но если говорить на эту тему, пришлось бы очень многое говорить. Перехожу к вопросам, непосредственно стоящим на пленуме. Некоторые лица, возражающие т. Беспалову, говорили, что наиболее деятельное участие в создании образа принадлежит бессознательной творческой работе.

Неверно это, товарищи! О бессознательной работе вообще, по моему мнению, нельзя говорить. Нет такой работы, если под термином бессознательной работы не понимать бессознательную мускульную, механическую работу. Человек привык известным образом двигать рукой и двигает ее, уже не следя за ее работой, аная, что рука — научена, не ошибется.

У нас бессознательность смешивается с интуицией, т. е. с тем человеческим качеством, которое называется интуицией и возникает не внаслучайе, а возникает еще на стадии формирования мысли, но оформляется сознанием, не воплощена в мысль и образ.

Я думаю, что с очень многими, почти с каждым из нас бывало так, что они сидят над страницей часами, и все что-то не удается, но вдруг человек попадает туда, куда следовало попасть, т. е. завершает цепь понятий или фактов каким-то фактом, которого он не знает, но предполагает, что он должно быть таким, и даже не предполагает, а просто чутым думает, что именно так. И получается правильно.

Это внесение в опыт тех звеньев, которых не хватало писателю для того, чтобы дать совершенно законченный образ, — это и называется интуицией. Но называть это бессознательным — нельзя. Это еще не включено в сознание, но в опыте уже есть.

Так это надо понимать. Может быть я ошибаюсь. Тогда, ясное дело, будем оспаривать.

Титул «инженер человеческих душ» у нас относится к литературе. Я думаю, что критик не менее заслуживает этого титула в том случае, если он работает в согласии и сотрудничестве с литератором.

Чего нам нужно добиться в этом деле? В той критике критиков, которая была здесь высказана, в ней очень много чуждого и серьезного. Критика действительно помогает нам мало главным образом занимается выявлением недостатков в наших произведениях, очень плохо пони-

мает, откуда идут эти недостатки, почему они появляются. Мало, или почти совсем не занимается критика языком, не указывает нам на правильное или неправильное строение фразы, на архитектурно произведение, на логически правильное размещение материала и т. д.

Тем не менее палку перегибать нельзя, — она может дать по лбу. И все-таки за критикой надо признавать кое-что сделано ею и делается.

Разногласия большая. Она и выражена была на пленуме и довольно-таки ярко, довольно основательно. Критика должна чему-то научиться. Она идет все-таки не в ногу с литературой, а если мы отстанем от действительности, так критика тоже отстанет от нас и, главным образом, от нас по линии идеологической грамоты, что, конечно, правильно, но делается не всегда достаточно убедительно — следствие некоторой немотности самой критики.

Зато по линии литературной гра-

мотности никакой помощи нет. Я говорю в данном случае не исключая себя, потому что я все это испытал на себе. Мне тоже помогали мало, ругали много и плохо, хвалили еще хуже, а помогали — никак.

Совершенно необходим в нашей стране для всеобщей нашей литературы, которая еще не стала, то все-таки уже становится учительницей литературы всего мира, — во всяком случае влиятельной литературы мира, — для нее совершенно необходим глубокий и всесторонний контакт с критикой, конечно, грамотной критикой.

Но, видите ли, товарищи, мы не будем иметь грамотной критики до тех пор, пока не настанет то, что было созданы были грамотные критики и чтобы у нас была история литературы. Нам необходима история литературы, которой нет у нас. Точно так же нам необходима критика, которая неслучайно потому, что плохо знает историю литературы и «не в курсе» той огромной ответственности, которая лежит на ней.

Тов. Беспалов отметил группу критиков, которые, по его мнению, могут активно участвовать, активно помочь нам двинуть вперед работу литературы. Он назвал ряд имен. Я, само собой разумеется, не буду говорить, почему тот или другой не годится. Это вовсе не мое дело и не в том дело, что тот или другой не годится. Не годится вся критика, которая не отвечает той огромной задаче, которая на ней лежит.

Я смотрю на дело так: природа дала человеку не больше, чем любому из других животных. Все, что создано на земле, — вся культура создана и выработана трудом людей. Но это у нас не усваивается с достаточной широтой и глубиной, не усваивается философское, политическое, педагогическое значение этого факта. Отношение к истории культуры у нас таково же, как и у людей, которые веками привыкли жить чужим трудом и органические потребности всеобщей культуры, силы труда. Творческие, организующие качества и свойства человека организованы трудом. Вот это недостаточно усваивается и понимается. А в нашей стране, казалось бы, это должно быть понято особенно, потому что то, что делается человеческим трудом в нашей стране сейчас, — это же совершенно фантастично, сказочно. Мы не умеем охватить всей картиной строительства. Мы не знаем, что делается где-то в Колыме, в Сибирии, на островах Арктики — ведь, где работает страна, создавая силу, — странная по своим размерам, по тем результатам, которые она дает. Нам не хватает, нас еще больше надо не забывать, потому что мы делаем страшное дело для тех, кому оно — гибель. (Аплодисменты.)

У нас какие-то неважно с действительностью. Надо ее шире обнять, глубже понять! Надо глубже войти в нее.

Вель как-никак, человек XVII века, русский крестьянин, соскочил со своего нищенского надела — это факт. А вот интеллектуальная часть народонаселения с нищенского надела еще не соскочила. (Смех, аплодисменты.)

Это смешно, конечно, но я говорю не шутя, а серьезно. Профессия в известной мере ограничивает человека. Правильно остроумное улобление Кузьмы Прутков: специалист подобен Фрексу. Профессия — ограничивает профессионал ищет главным делом то, что может дополнить его собственное, расширять надел.

Нам, я думаю, следует наши наделы расширить. Наш советский писатель не может быть только профессиональным литератором; это — живое лицо, живой, энергичный участник всего того, что творится в стране. (Аплодисменты.) Он работает буквально везде, это та самая плечо, которая собирает сок со всех цветов, создает мед и воск. Он должен быть везде. Он должен быть все-

засущим, всевидящим, ну и... всеобщим, но вот тут, пожалуй... (Смех.)

(Демьян Бедный: Всеобщим.) Все понимающим. Он должен быть золотой арфой, которая всякое движение воспроизводит в хороших звуках.

В области так называемой умственной деятельности люди принуждены жить как-то одиночно, работать также на маленьких наделах, нищенских наделах, и, по закону конкуренции, каждый, конечно, всемерно оберегает свой надел. Тут происходят разные неприятности.

Мне неоднократно приходилось указывать на ограниченность тематики дереволовной русской литературы, дереволовной литературы, буржуазной литературы, которая на самом деле ведь пропустила чрезвычайно много вне линии своей работы и вне своего понимания, пропустила все, хотя бы взять XIX век, — пропустила то разбывничество, как массовое явление, которое началось

сказать, что в них есть нетто, особенно обращающее внимание: во всех прочитанных мною пьесах обидный порок — недостаточная убедительность характеров, отсутствие в них четкости и ясности. Чувствуется, что характеры, герои создаются не по закону синтеза, не путем отбора наиболее типичных, классовых, групповых, профессиональных черт, а как-то так... очень поверхностно. Люди говорят не те слова и делают не те поступки, которые им, вследствие этого, самими исполнителями-актерами не теми жестиками. Часто бывает, что слово с жестом не согласовывается. Ходит по сцене человек, и не веришь, что был такой.

Народ наш в части языкового творчества — очень талантливый народ, но мы плохо с этим считаемся. Мы не умеем отобразить то, что у него талантливо. Вспомните, как прекрасно делает он частушки. Вот я недавно у одного автора нашел такую фразу: «Он поднял руку, чтобы поглядеть ее по плечу, и в это время его настигла бесстрашная смерть». (Смех.) Вот как говорят!

Эти недостатки являются признаком слабости зрения. Действительность не дается глазу. А ведь нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего.

Я эти слова о третьей действительности произношу не ради остроумия, вовсе нет. Они много чувствуются как решительная команда, как революционный призыв эволюции. Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать ее. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма.

Для того чтобы точно и ясно знать, против чего вообще, — нужно знать, чего хотим. А того, чего мы хотим, мы еще не достигли, оно перед нами. Нужно знать, нужно пытаться шагнуть вперед, от настоящего, настоящего, еще дальше. Шагайте! Шагайте! Можете шагать? Можете. Нет только какой-то зарядки, какого-то воодушевления, нет этого, чорт его знает, куда оно деловое. Или, может быть, оно еще не выросло?

Критики и литераторы должны понимать, почему отстали, от чего отстали, от каких явлений. Но не силе чего, а от чего. Почему надели современные стулья и на каких стульях хотелось бы сидеть в будущем. То же самое с идеями.

Недавно я прочитал беллетристическое мудрое сочинение. Там речь шла о неосторожности знания и почему так страдает человек, что он не может определить — конечно ли вселенная или же бесконечна. Страдает так, что забывает надевать галочки, и вот простудился и умер, знаете-ли Умер, несчастный! Вот к чему ведет неосторожность знания!

Часто приходится читать такие произведения — печальные и печальные — об иллюзорности любовных утех и удовольствий. Признаться сказать, читать такие вещи несколько тяжело, ибо читая видишь, что женщина-то заявившая о себе как героиня в гражданской войне, женщина, так великодушно проявившая себя во всех областях строительства, — женщина-то все-таки нравится нам днем, когда работает рука об руку с нами, и тогда мы больше уважаем ее и все такое. А в другое время суток... Ну, об этом можно не говорить. (Смех.) Это действительно смешное дело, товарищи, но на этом месте зарождается новая драма. Она зарождается. Она пока еще не отражена новой драматургией, но что она зарождается и что она будет — это несомненно. И нашему сильному полу придется тут немаленько потерпеть и это будет справедливо. Так ему и надо. (Смех.)

Должен указать одно, что, несмотря на обилие докладов и острую дискуссии, и критики и литераторы обнаруживают все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики, — должны заслуживать, — которые прошли незамеченно. На это самое указывал т. Серебрянский, что говорили о двух основных произведениях на тему колхоза, — о произведении Шолохова и о произведении Пауфера. Конечно, это основные произведения, — что это будет отрицать, но есть третье — Шухова «Неизвестность», тоже очень значительное произведение. Есть еще книги, которые как-то прошли незамеченными.

Есть еще одно неудобство нашей жизни: критиков-то можно критиковать, потому что они печатают свои статьи, а вот редакция? А вот с редакцияй хуже. Сидят они там и что-то делают. Это делают нехорошо, — наговорят они что-то такое человеку, он уходит, и у него голова на печатке не сидит, ошеломленно качается. Очень многочисленны жалобы на редакцию приходится слышать и читать в разных письмах. Тут тоже можно что-то такое сделать с редакциями и с редакторами. Я думаю, что возлагать на редакцию работу по обучению молодых редакторов следует, потому что тогда у нас получится разногласия с программой литературы, выработкой ее. Нужно все-таки держаться той программы, которая была здесь союзом выработана, — программы для работы с начинающими, с кружковцами.

Как я уже вначале сказал, охватить и оценить все сказанное здесь на пленуме и не имея возможности, по тому все это будет разрабатываться, и не один раз, и, вероятно, многие будут писать. Во всяком случае, мне кажется, что все-таки сделана не плохая работа, что дан какой-то толчок, как-будто что-то слышнито и что вероятно мы встанем на путь очень плодотворной работы, — станем!

Я, собственно, по оптимизму, мне присуще, уверен в этом, а с тем, что здесь было сказано, я вас всех искренно поздравляю и на этом я кончу (Бурные аплодисменты. Все встают).

Председатель: Товарищи, работа нашего пленума закончена.

Позвольте второй пленум объявить закрытым. (Аплодисменты.)

сказать, что в них есть нетто, особенно обращающее внимание: во всех прочитанных мною пьесах обидный порок — недостаточная убедительность характеров, отсутствие в них четкости и ясности. Чувствуется, что характеры, герои создаются не по закону синтеза, не путем отбора наиболее типичных, классовых, групповых, профессиональных черт, а как-то так... очень поверхностно. Люди говорят не те слова и делают не те поступки, которые им, вследствие этого, самими исполнителями-актерами не теми жестиками. Часто бывает, что слово с жестом не согласовывается. Ходит по сцене человек, и не веришь, что был такой.

Народ наш в части языкового творчества — очень талантливый народ, но мы плохо с этим считаемся. Мы не умеем отобразить то, что у него талантливо. Вспомните, как прекрасно делает он частушки. Вот я недавно у одного автора нашел такую фразу: «Он поднял руку, чтобы поглядеть ее по плечу, и в это время его настигла бесстрашная смерть». (Смех.) Вот как говорят!

Эти недостатки являются признаком слабости зрения. Действительность не дается глазу. А ведь нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего.

Я эти слова о третьей действительности произношу не ради остроумия, вовсе нет. Они много чувствуются как решительная команда, как революционный призыв эволюции. Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать ее. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма.

Для того чтобы точно и ясно знать, против чего вообще, — нужно знать, чего хотим. А того, чего мы хотим, мы еще не достигли, оно перед нами. Нужно знать, нужно пытаться шагнуть вперед, от настоящего, настоящего, еще дальше. Шагайте! Шагайте! Можете шагать? Можете. Нет только какой-то зарядки, какого-то воодушевления, нет этого, чорт его знает, куда оно деловое. Или, может быть, оно еще не выросло?

Критики и литераторы должны понимать, почему отстали, от чего отстали, от каких явлений. Но не силе чего, а от чего. Почему надели современные стулья и на каких стульях хотелось бы сидеть в будущем. То же самое с идеями.

Недавно я прочитал беллетристическое мудрое сочинение. Там речь шла о неосторожности знания и почему так страдает человек, что он не может определить — конечно ли вселенная или же бесконечна. Страдает так, что забывает надевать галочки, и вот простудился и умер, знаете-ли Умер, несчастный! Вот к чему ведет неосторожность знания!

Часто приходится читать такие произведения — печальные и печальные — об иллюзорности любовных утех и удовольствий. Признаться сказать, читать такие вещи несколько тяжело, ибо читая видишь, что женщина-то заявившая о себе как героиня в гражданской войне, женщина, так великодушно проявившая себя во всех областях строительства, — женщина-то все-таки нравится нам днем, когда работает рука об руку с нами, и тогда мы больше уважаем ее и все такое. А в другое время суток... Ну, об этом можно не говорить. (Смех.) Это действительно смешное дело, товарищи, но на этом месте зарождается новая драма. Она зарождается. Она пока еще не отражена новой драматургией, но что она зарождается и что она будет — это несомненно. И нашему сильному полу придется тут немаленько потерпеть и это будет справедливо. Так ему и надо. (Смех.)

Должен указать одно, что, несмотря на обилие докладов и острую дискуссии, и критики и литераторы обнаруживают все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики, — должны заслуживать, — которые прошли незамеченно. На это самое указывал т. Серебрянский, что говорили о двух основных произведениях на тему колхоза, — о произведении Шолохова и о произведении Пауфера. Конечно, это основные произведения, — что это будет отрицать, но есть третье — Шухова «Неизвестность», тоже очень значительное произведение. Есть еще книги, которые как-то прошли незамеченными.

Есть еще одно неудобство нашей жизни: критиков-то можно критиковать, потому что они печатают свои статьи, а вот редакция? А вот с редакцияй хуже. Сидят они там и что-то делают. Это делают нехорошо, — наговорят они что-то такое человеку, он уходит, и у него голова на печатке не сидит, ошеломленно качается. Очень многочисленны жалобы на редакцию приходится слышать и читать в разных письмах. Тут тоже можно что-то такое сделать с редакциями и с редакторами. Я думаю, что возлагать на редакцию работу по обучению молодых редакторов следует, потому что тогда у нас получится разногласия с программой литературы, выработкой ее. Нужно все-таки держаться той программы, которая была здесь союзом выработана, — программы для работы с начинающими, с кружковцами.

Как я уже вначале сказал, охватить и оценить все сказанное здесь на пленуме и не имея возможности, по тому все это будет разрабатываться, и не один раз, и, вероятно, многие будут писать. Во всяком случае, мне кажется, что все-таки сделана не плохая работа, что дан какой-то толчок, как-будто что-то слышнито и что вероятно мы встанем на путь очень плодотворной работы, — станем!

Я, собственно, по оптимизму, мне присуще, уверен в этом, а с тем, что здесь было сказано, я вас всех искренно поздравляю и на этом я кончу (Бурные аплодисменты. Все встают).

Председатель: Товарищи, работа нашего пленума закончена.

Позвольте второй пленум объявить закрытым. (Аплодисменты.)

Советская критика является важным орудием руководства литературой. Помогает художникам слова воспитывать массы в духе социализма. Под руководством партии критика нанесла сокрушительный удар враждебным марксистско-ленинским теориям и враждебному социализму влияниям в художественном творчестве. В этой борьбе советская критика идейно окрепла и выросла. Постановление ЦК ВКП(б) от 23/IV—32 г. создало все условия для роста подлинно партийной литературной и театральной критики. За годы, прошедшие после постановления ЦК, консолидированы основные кадры критиков и ликвидированы наиболее яркие проявления групповщины. Однако, несмотря на ряд достижений в работе критики, она не стоит на уровне тех задач и требований, которые к ней предъявляют советские писатели и читатели.

Основное направление работы критики должно состоять в том, чтобы она углубленно изучала все процессы роста советской литературы, давала им конкретную оценку, помогала писателям становиться подлинными художниками социализма, вела решительную борьбу за преодоление пережитков капитализма в художественной литературе и литературной теории. Высокая революционная близость и глубокое понимание процессов социалистической культуры — основные качества советской критики.

Советская критика сможет успешно

по выполнить эту основную свою задачу лишь в том случае, если она будет органически сочетать развернутую политическую оценку фактов искусства с квалифицированным и глубоким анализом художественных особенностей литературных произведений и будет вести решительную борьбу против попыток возродить групповую критику. По содержанию, проблемам и темам, которые она ставит, а также по своему языку критика должна быть рассчитана на привлечение массы трудящихся, уделяя особое внимание молодому поколению читателей, комсомольской молодежи. Внимательно изучая подлинные требования и запросы культуры выросших читателей, она обязана воспитывать и развивать их художественные вкусы, сочетать теоретический анализ с глубоким знанием социалистической действительности.

Для того чтобы поднять качество критики и преодолеть ее отставание, второй пленум правления считает необходимым:

1. Создание условий, стимулирующих рост квалификации и творческой продуктивности критиков. Пленум поручает президиуму разработать и провести в жизнь ряд мероприятий, которые должны урегулировать: расширение критиков, правильное использование кадров, создание кадров критиков профессионалов путем освобождения от всякой другой работы группы критиков в 20—25 человек, предоставление творческих от-

пусков, организацию систематических курсов, издание работ критиков, выращивание новых кадров и помощь им.

2. Расширение отделов критики библиографии в журналах и газетах с тем, чтобы они могли обеспечить систематическое освещение всей художественной продукции.

3. Систематическое освещение и сравнительное изучение литературного развития всех народов Советского союза и организация обмена творческим опытом.

4. Пленум вменяет в обязанность редакциям литературно-художественных журналов организовать систематические обзоры советской литературы, как русской, так и братских республик, по голам, жанрам, темам и т. д., а также обзоры зарубежной литературы.

5. Особое внимание должно быть уделено произведениям молодых и начинающих писателей; критика обязана систематически помогать их творческому и политическому росту.

6. Одной из важнейших задач критики должна быть коллективная работа над созданием истории литературы 19-го и 20-го века, истории литературы СССР и обзорной советской литератур братских республик.

Для выполнения решений пленума правление поручает президиуму усилить руководство литературно-художественными и критическими журналами, а также «Литературной газетой», внося в работу органов Союза партийное начало.

ПО ДОКЛАДУ О РАБОТЕ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Заслушав доклад т. Минца, пленум правления постановляет:

— Вложить в свете антисоветской войны, лихорадочно подготовленной империалистами, изучение, подведение итогов интервенции приобретает особенно актуальное значение. Участие в разработке истории гражданской войны означает и подготовку миллионов строителей социализма и обороны нашего великого Советского Союза. Статьи неслучайно активно включаются в начатое по инициативе А. М. Горького и утвержденное постановлением ЦК писание истории великой пролетарской революции и героической гражданской войны, пленум союза советских писателей поручает президиуму:

1. Рекомендовать секретариату главной редакции группу писателей

для разработки и литературного оформления рукописей активных участников гражданской войны.

2. Утвердить группу в 10—15 тт. для подготовки отдельных крупных произведений, прославляющих, как писал т. Сталин, подобно «Чапаеву», великие исторические победы пролетариата и трудящихся нашей страны.

3. Предложить правлениям ССП над республик немедленно приступить совместно с местными комитетами истории гражданской войны к изданию сборников воспоминаний:

а) Борьба с немецкой оккупацией на Украине и Сев. Кавказе;

б) Польская (и немецкая) оккупация в Белоруссии;

в) Гражданская война в Закавказье;

д) Пролетарская революция в Бельгии, Туркменистане и Таджикистане;

е) Победа над японскими империалистами ДВ в 1922 г.

4. Пленум призывает литераторов национальных республик к изучению своего дела, созданию своих «Чапаевых» и работе плечом к плечу с самоотверженными героями великой Рабоче-крестьянской Красной Армии под руководством Ленина — Сталина отстоявшей Союз социалистических республик.

5. Президиуму союза совместно с секретариатом гл. редакции «ИП» наметить план военно-литературной работы и регулярно заслушивать отчеты выделенных на работу писателей.

ПО ДОКЛАДУ О РАБОТЕ «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ»

Заслушав доклад о работе по истории заводов, пленум правления Союза советских писателей отмечает:

История заводов может дать наибольший политико-воспитательный эффект, если богатое политическое содержание, заключенное в истории каждого предприятия, будет выражено в художественной форме, обеспечивающей наибольшую массовость и доступность книг, силу их воздействия на читателей.

Это требует широкого вовлечения в работу по истории заводов писателей — мастеров художественного слова.

Пленум правления Союза советских писателей считает, что участие писателей в работе по истории заводов вопреки многочисленным декларациям и обязательствам до сих пор было совершенно недостаточным и ни в какой мере не соответствовало политическому и художественному значению этой работы.

История заводов стимулирует работу писателей над великими темами эпохи, расширяет писательский кругозор, ведет к показу сегодняшнего дня социалистических предприятий, важнейших моментов истории проле-

тарната, привлекает новые кадры работы, заставляет по-настоящему изучать избранный писателем объект, связывает писателя с предприятием и его людьми.

Это подтверждается опытом тех писателей, которые уже добросовестно и плодотворно работают над историей заводов.

Пленум считает необходимым в кратчайшие сроки обеспечить широкое участие писателей в авторской работе по истории заводов в соответствии с планом главной редакции «И. З.».

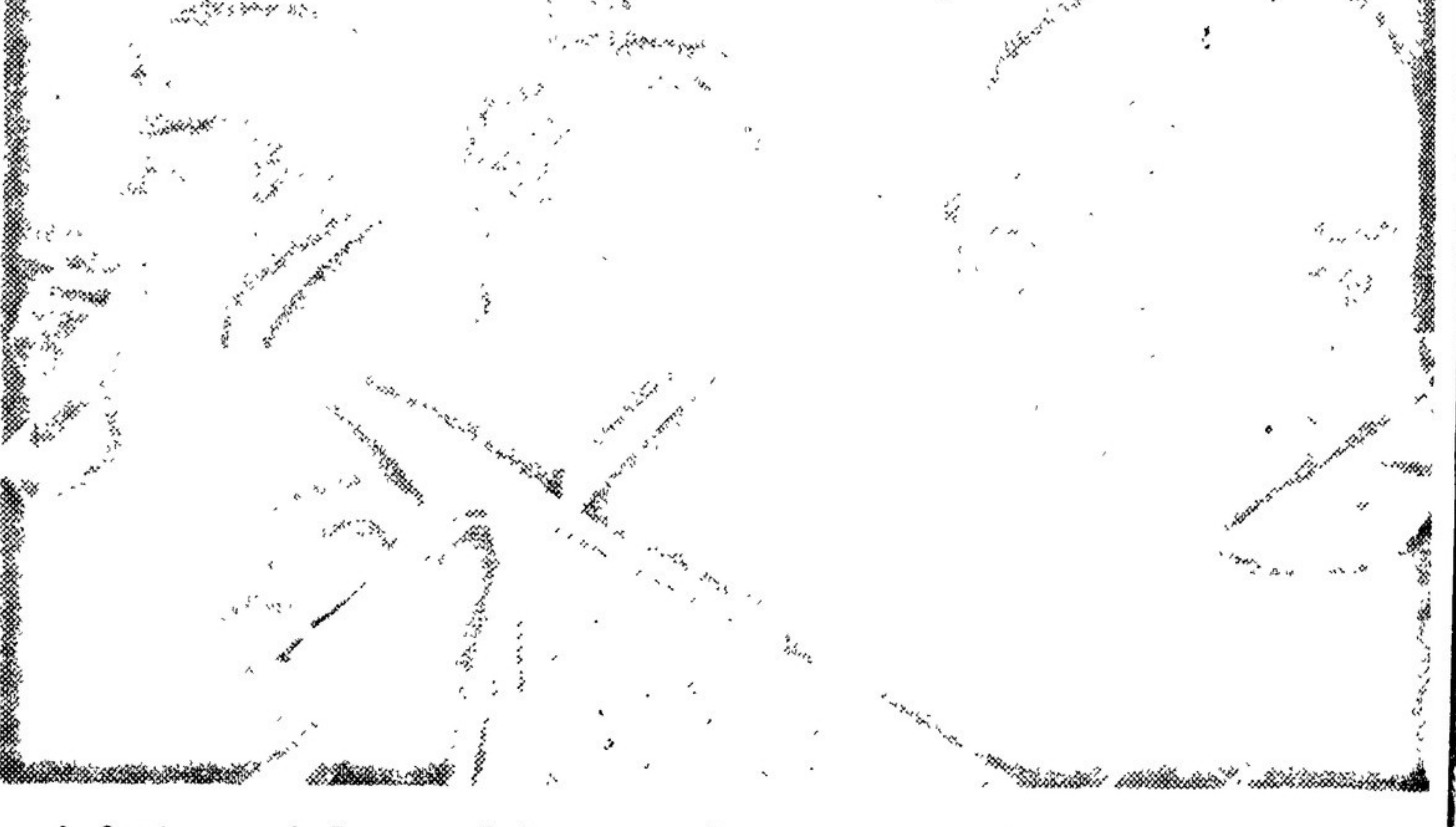
ОБ «ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ»

Приветствовать предложение М. Горького и приступить к изданию серии книжек «История деревни».

«История деревни» должна показать положение крестьянства до революции, различные формы и методы его эксплуатации со стороны царских чиновников, помещиков, купечества и кулачества, революционную борьбу трудящегося крестьянства с его эксплуататорами до Октября, героическую борьбу крестьянства под руководством рабочего класса после Октября, в годы гражданской войны с врагами Октябрьской революции в рядах партизанских и красногвардейских отрядов и в рядах Красной ар-

мии, строительство колхозов, ведущую крестьянство к культурной, жилищной жизни.

Поручить президиуму правления обсудить вопрос о редакции «История деревни» и вовлечь в активную работу по «Истории деревни» членов ССП.



А. Серафимович, Ф. Гладков и В. Бурлаков на II пленуме правления Союза советских писателей.

ПОСЛЕ ПЛЕНУМА

Положение на местах

Альманах «Литература народов СССР»

КАРТИНА ПЯТАЯ

(У Мухомовых. В углу на сундуке свернулась старуха няня. На столе лгало семя от лампы. Ната читает Мухомову письмо.)

8 марта на совещании представителей республиканских советов писателей обсуждался вопрос о реализации предложения Максима Горького на съезде писателей о регулярном выпуске альманаха, посвященного литературе народов СССР.

На совещании был в основном утвержден следующий план издания альманаха.

Альманах будет выходить 4 раза в год в размере 25 печатных листов каждой книги. Издаваться будет альманах одновременно на русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюркском, таджикском и узбекском языках. В сборниках будут помещаться исключительно произведения современных писателей, по одному одновременно в отделе популяризации классического наследия и фольклорного творчества союзных республик. В альманахе будут преимущественно помещаться художественные произведения, но значительное место будет также уделено и отдельным критическим обзорам национальных писателей. Первый альманах предполагается выпустить в марте 1935 г.

На том же совещании принято также предложение о выпуске сборников детской литературы народов СССР.

Интересной особенностью обоих альманахов является то, что все произведения будут иллюстрированы рисунками национальных художников.

Постановлено создать на местах редакционные комиссии для отбора лучших литературных произведений, вышедших за последние годы в той или иной республике.

КАТЯ: «На рассвете меня будит рожок шибайного оскандра. К восьми надо быть в подбитом, а там за все... Правду статью в дивизионную газету, веду школу ликбеза. Пополнение у нас — украинцы, языком и выразительностью они напоминают итальянцев. Каменная Россия в течение столетий подавляла и унижала их культуру... На нашей Миллионной в Петербурге, в доме против Эрмитажа и Зимнего дворца, мы жили, как в Польше — не зная языка, как в Польше, не доходясь до нем. Вторично уроки я прочтала из паниной книги главу об убийстве Папы. Наказание свое император заслужил так очевидно, что никто об этом не задумался: стриптизили меня — здесь скажешь: тычичи у престолу — о расположении коммат во дворце, о том, какал рота гвардии была в карауле, среди коего были набраны заговорщики, чем обидел их Павел. Я все мечтаю о том, что папа придет к нам летом, если только поляки не заведутся... Ты увидишь, дружок мой, новую армию, новую казарму в Петровском то, о которой ты рассказывал... К тому времени парк расцветет и зазеленеет, доклады пойдутся на подножном корму, седла приготовлены... Я говорила Аким Ивановичу — он согласен, только бы у вас все было благополучно, милые мои... Теперь ночь... Я освободилась поздно и подлилась к себе в институтный четырехместный стул. Я живу на вышке, в спальной зале, служившей когда-то оружейной графом Красинским. Занес его сения река, пространство дутовое безобразно с туманной стеной лесов... В каждом этаже замка выбита ниша для дозорного; отсюда они следили приближение татар и русских и являлись маслом на головах осаждающих. Старушка Гелдига, экономка последнего Красинского, приготовила мне ужин и расстопила камин, глубокий и черный, как подземелье... В парке вижу перемятый застреленный топаки: кубаны

Отрывки из пьесы

ужинают вокруг костра и заходят в пещеру... Снег налет на деревья, ветви дубов и каштанов перелетелась, неровная серебряная корона нависла над занесенными дорожками, над статуями... Они еще сохранились — юноши, бросающие копы, и обнаженные заключенные богини с согнутыми руками, с волнистой ланной волос и слезными глазами... Галитина дремлет и притесненной позею в камине выхватывает и распластает; сонности сделать кинути знонники, как стеклы; они озарины золотом в ту минуту, когда я пишу вам... Карточка Алехи у меня на столе... Те самые люди, которые не задумались убить его — я ушла только что от них и помогла их освободить — правильно ли я сделала, Алексей, исполнила ли я свое завещание жить мужественно? — и тем, что в нем есть неумирающего, он не отретает меня... Поздно, не могу заснуть от необъяснимой тревоги. За все, от безысходности, от смерти, от страшной мысли: близости к природе, беспомощности о вас. Почему Люка пишет так редко? Несколько дней тому назад я послала ей бумажек, подписанную Аким Ивановичем о том, что у меня, как у военнопленной, не имеют права реквизиционировать комнату; кроме того, у папы должна быть охранная грамота из библиотеки. Если срок прошел — надо возобновить ее в Наркомпросе у Чернышова моста, квартира 40. Я буду счастлива, если Люка улетит основать свою семью, но надо, чтобы человек был у нас в доме, познакомиться бы с папой, тут сердце обманет... И пусть нянька увидит его. Катюша все жалуется на старуху, что та не работает. Катюша нянька стара, она выросла два поколения Мухомовых, у нее своя мысль и чувства, она не простой человек... Мне всегда казалось, что в ней мало крестьянского, а впрочем, что знала мы, в нашей Польше, и стало еще труднее с производством; у тех, кто не служит, забывает коммат и боль... Мне стыдно за то, что мы живем хорошо. Два раза Аким Иванович брал меня с собой на охоту, у меня верховая падать довел... (Катя поднимает голову). Вот видите, Николай Васильевич, как хорошо. (Мухомов закрывает глаза залостью). Не надо плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

(Полдень. Ослепительный свет. В окне обитые солнцем колонны вертеба, угол Зимнего дворца. Уютная зала Мухомовых. В глубине натирной паркет Андрей и подмастерье его Кузьма, толстомерный парень. Агаша кричит в окно.)

АГАША: Няшка, проклянутая, не зная дитя об стену мажешь... Куда глаза поехали, смотришь что ли на глаза... Выросла — не боишь, а толку все то же... Тихон, слышь, Тихон, зачем у тебя сарай разворонен, замки сарай-то... Буровна.

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

МУХОМОВ: Я спрашиваю у бога — у каждого из нас есть бог его души — а ты ты дал мне, друному, себя, любимому человеку, таких детей — Машу, Люку...

КАТЯ: Но это же хорошо. Николай Васильевич... Зачем плакать...

Отрывки из пьесы

аравству. Я у тебя солины до первого не достану!.. Первое развинуешь по купону — отдам. Девка мол зайдет, насыпь ей в пузырек, до первого... Тихон, слышь, Тихон, у Новосельцевых был? Когда они сбегают?

ГОЛОС ТИХОНА: Сбегать, говорят, лекада.

АГАША: Жить умели — умели и сбегать... До воскресенья да им срок, а после воскресенья у нас... Нишка, проклянутая, гляди, дитя се в нос аемлю пихает... Бери дитя наверх, марш домой, окая мить... (Полотеру). Ну как, мастер, действуешь?

АНДРЕЙ: Прикладываем труды.

АГАША: Не больно прикладываетесь... Углы все поставляешь.

АНДРЕЙ: Это какие углы?

АГАША: Да все четыре — и пол у тебя рыжий, разве он должен быть рыжий... Не тот пол совсем...

АНДРЕЙ: Материал теперь не тот, хойна...

АГАША: Сам хатрнй и малоего упишь... За лешьями, небось, аккуртно прилеши...

АНДРЕЙ: А я тебе, Агаша, те отвечу, что ты врагу своему закажешь первой после революции полы чистить... Тут за революцию гляди на ты вершка хароса, рубанком не отстругашь. Мне за это медаль нацепить, за то, что я после революции полы чищу, а ты лешья...

(Влубне проходит Сухиня и Катя в траур.)

СУШКИН: Единственно, как фанатик мебельной отрасли покупаю, единственно по охоте моей, что не могу мимо античной вещи пройти, а за античную вещь боею... Громоздкую вещь в настоящий момент поупать — это камень на шею, с ним тонуть, Катерина Витславовна... Вот сделаем сегодняшний день поупку, метель, а завтра ты страдальца, кулаки рассовашь...

КАТЯ: Вы забываете, Арестарх Петрович, что здесь ни одной простой вещи нет... Мебель это сто лет тому назад Строгановы из Парижа вывезли...

СУШКИН: Оттого миллиард девсти и даю.

КАТЯ: Что значит теперь этот миллиард, если на хлеб перевести.

СУШКИН: А вы не на хлеб, а на мою нормальность переведите, что я как охотник поупку... С громоздкой вещь в настоящий момент оставь, сень, ведь это у них первый капитал будет... (меняю тон). Тут у меня и молодежь готовится... (Кричат вня). Ребятке, подхватывайся веревка с собой тащи...

АГАША (выступая вперед): Это куда подхватывается?

СУШКИН: С кем имел честь, уловоство...

КАТЯ: Это наша смотрительница двора, Арестарх Петрович.

АГАША: Ну хоть дюрочника...

СУШКИН: Очень приятно. Теперь значит, такой разговор, вы нам, как говорите, поможет мебель снести мы обидно вам поможем.

АГАША: Не получится у нас, гражданство.

СУШКИН: Что именно у нас не получится, не пошла...

АГАША: Тут переселенцы жили жить будут, не пошла...

СУШКИН: Это нам, конечно, интереснее знать, что переселенцы...

АГАША: Мебель-то, где они возмрут?

СУШКИН: А вот это нам, гражданство, совершенно не интересно знать...

КАТЯ: Агаша, Мария Николаевна поручила мне продать...

СУШКИН: Прощу прощения, гражданство, мебель-то ваша?

АГАША: Мебель не моя, да и не твоя тоже.

СУШКИН: На это первично отвечу, что мы с вами над одной ламкой не сидели, а вторично, я вам скажу, что вы в настоящий момент, гражданство, неприлично себе называете...

АГАША: Ордер принесешь, выпущу мебель выпущу...

АГАША: Я, что знала, барышня, то забыла, переучавшая теперь...

СУШКИН: Не ругайся, выходи...

КАТЯ: Уйдите, Арестарх Петрович...

СУШКИН: Превращение власти, баба, делайшь...

АГАША: Ордер принес, выпущу...

СУШКИН: В другом месте поговоришь...

АГАША: Хоть на Гороховой...

КАТЯ: Уйдите, Арестарх Петрович...

СУШКИН: Я уйду, да вернусь, не один вернусь, а людьми...

АГАША: Нехорошо делайте, барышня...

(Уходит Андрей и Кузьма кончат натирать, собирают свой скарп.)

КУЗЬМА: Умыла, как следует...

АНДРЕЙ: Колкая ламочка...

КУЗЬМА: Она и при генерале была?

АНДРЕЙ: При генерале она низко ходила, голову не высовывала...

КУЗЬМА: Генерал-то дрался, не бою?

АНДРЕЙ: Зачем дрался... Совершенно он не дрался... Ты к нему приходи, с тобой за ручку возьмется, поздравляется... Его и народ любил...

КУЗЬМА: Как это так — народ генерала любил?

АНДРЕЙ: По дурацки нашей любви... Он вредя больше положено не делал... Сам себе дрова додел...

КУЗЬМА: Старый был?

АНДРЕЙ: Особо старый не был...

КУЗЬМА: А помер...

АНДРЕЙ: Помирет, брат Кузьма, не вредя, а последний. Значит, помер...

(Входит Агаша, рабочий Сафонов, колхозник, молчаливый парень и беремная жена его Елена, длинная с маленьким светлым лицом, молодая женщина лет двадцати, не более; она беременна, в последних днях. Все напуганы домашним скотом, тащат с собой табуретки, матрацы, прикуры.)

АНДРЕЙ: Погоди, погоди, дай подстелю...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...

АГАША: Прямая к хорошему...

АНДРЕЙ: Шаевое дело — к хорошему привяжешь...

АГАША: Налезо кухня, там всякая — мыться... Подем, хозяйка, остальное пританюк...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...

АГАША: Прямая к хорошему...

АНДРЕЙ: Шаевое дело — к хорошему привяжешь...

АГАША: Налезо кухня, там всякая — мыться... Подем, хозяйка, остальное пританюк...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...

АГАША: Прямая к хорошему...

АНДРЕЙ: Шаевое дело — к хорошему привяжешь...

АГАША: Налезо кухня, там всякая — мыться... Подем, хозяйка, остальное пританюк...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...

АГАША: Прямая к хорошему...

АНДРЕЙ: Шаевое дело — к хорошему привяжешь...

АГАША: Налезо кухня, там всякая — мыться... Подем, хозяйка, остальное пританюк...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...

АГАША: Прямая к хорошему...

АНДРЕЙ: Шаевое дело — к хорошему привяжешь...

АГАША: Налезо кухня, там всякая — мыться... Подем, хозяйка, остальное пританюк...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...

АГАША: Прямая к хорошему...

АНДРЕЙ: Шаевое дело — к хорошему привяжешь...

АГАША: Налезо кухня, там всякая — мыться... Подем, хозяйка, остальное пританюк...

АГАША: Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться...

ЕЛЕНА: Нам бы другое что-нибудь, поужее...



Совещание председателей областных и краевых советов писателей в ДСП 8 марта.

БЕЗУМНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ ЖЕНИТЬБА ФИГАРО

ОКОНЧАНИЕ. СМ. 5 СТР.

Итак, Маркс и Энгельс согласны с Лассалем в оценке итогов революции 1848—49 гг.? Партия Маркса и Энгельса потерпела крушение вследствие своей оппортунистической тактики? Теперь все ясно. Неправ Луначик, утверждая, что «крушение Моньера (и революционной партии 1848 г.) не имело своей причиной оппортунистическую тактику». Если верить «Литературному Ленинграду», то Моньер, Бафел, партия («Новой рейской газеты») и вся вообще «плебейско-моньеровская» линия в революциях прошлого пошла заслуженно наказание за свой оппортунистический вину.

В этом и заключается принципиальное содержание критики Андруско. Он стремится к реабилитации Лассаля, отодвигая его позицию о позиции Маркса. Спор между Маркомсом и Лассалем шел, по мнению Андруско, только о том, в какой теме («Зинкинген» или «Моньер») удобнее для выражения одной и той же мысли.

Маркс и Энгельс считали, что трагический элемент в ситуации 1848—49 гг. состоял в некотором объективном противоречии: буржуазная идея революции, а самостоятельная организация рабочего класса была еще слишком слаба, чтобы не раствориться в общедемократическом движении и успешно подталкивать вперед революцию вперед (см. «Обращение к союзу коммунистов», 1856 г.).

Ленин здесь ясно видел преимущество революции 1905 г. перед 1848 г. Это преимущество состояло в том, что в буржуазно-демократической революции в России с самого начала существовала самостоятельная организация рабочего класса, а вообще гораздо сильнее были «плебейские черты» движения, пролетарская струя в нем» (сообр. соч., т. VIII, стр. 125 и др.). Отсюда видно, какое громадное значение имеет вопрос о зрелости пролетариата для буржуазной революции. «Буржуазные революции в Англии, Франции, Германии, Америке, говорят по Статим, — пошли как лавина по другому пути. Там революция принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять самостоятельную политическую силу, а дилеральной буржуазии...» (буржуазная револю-

1. Ральцевичу следовало бы все-таки знать об этом. А самое главное — понимать, что между исторической трагедией неурядицы и пошлым фарсом оппортунизма, как-никак существует известная разница.

Откуда же взял Андруский свой «концепция» весьма далекая от марксистско-ленинской? Она идет от Лассаля.

Расхождение между Маркомсом и Лассалем вовсе не было так незначительно, как хочет это представить Андруский.

В отличие от Маркса и Энгельса, Лассаль видел в положении революции 1848 г. стратегическое противоречие между революционными целями вождя и оппортунистическими методами борьбы. Это асоциальное наследие вылилось в Троцкий и контрабандист контрольно-полицейского трибунала в исторической науке. Троцкий видит причину падения всякой революции в том, что носители чистой волюнтаристско-революционной идеи в решающий момент «пробивают» перед объективными, перед объективными историческими условиями, не реляются на революционные силы через них, а потому терпят и свои революционные цели. Троцкий прямо ссылается на Лассаля в своей книге 1930 г. «Германская революция». Он говорит: «Еще Лассаль знал, что цель зависит от метода и в последнем счете им обуславливается. Он даже драму написал на эту тему («Франц-Фон-Зинкинген»). Отсюда троцкийская легенда о том, что «революционная партия 1848 г. погибла вследствие оппортунистических ошибок, которые сделали руководители ее коммунистическому авангарду» Маркс и Энгельс. Эту легенду на Маркса, которую можно найти у Плеханова и др., повторяет автор статьи в «Лит. Ленинград» Андруский. Он приписывает Марксу согласие с Лассалем в том, что трагическая коллизия «революционной партии» 1848 г. есть «противоречие между революционными целями и оппортунистическими методами».

Итак, оппортунизм есть трагедия? За это открытие «Литературному Ленинграду» и его редактору Ральцевичу следует сказать спасибо все оппортунисту. В качестве человека, претендующего на звание философа, Ральцевич должен был понимать, какая была идеалистическая пошлость и капиталистическая перед врагами народа идея скрывать за этим термином. Кто знает, вост, тот развития Лассаля, лето поймет, что говоря об оппортунизме как трагедии, он тем самым уже как наперед оправдывает свои собственные действия с Бисмарком, Неларом и в эпоху империализма к этой грязной идее так охотно обращаются меньшевики, либералы-сменовеховцы или такие левобуржуазные вожди, как

кокой-нибудь Ральцевич, которому принадежит знаменитая фраза о приращении с капитализмом как неустрашимой трагической судьбой.

Согласно утверждению Андруско, «революционная партия 1848 г. погибла вследствие своего оппортунизма». Но этой революционной партией руководила «Новая рейнская газета», руководил Лассаль и Энгельс. «Литературный Ленинград» без всякого стеснения печатает эти троцкистские измышления об оппортунистических ошибках Маркса в 1848—49 гг.

Кто же такой Андруский, которому так Ральцевич предоставлял слово в таком важном политическом деле, как оценка тактики Маркса в 1848—49 гг.? Это тот самый человек, который в книге «Эстетика Плеханова» писал: «Роль Плеханова в истории развития русской философско-эстетической мысли аналогична роли Маркса в истории развития философии и эстетики». Если за Андруским и кое-что другое, но не собираемся копаться в его литературной биографии.

В «Литературном Ленинграде» говорит о блительности совсем не редко и не мало. Однако подлинная блительность блительности так все-таки отсутствует в фетише оппортунизма. Блительность печатает без всякого приключения в эту статью Грива по поволу лгуности о романе, а 25 февраля утверждает что в статье имеется «грубое извращение марксистско-ленинской эстетики». Действительно, «грубое извращение» есть, но именно у самого т. Ральцевича.

«С точки зрения т. Грива, — пишет Ральцевич, — ясно является специфической формой пошлой античной строя, роман — специфическим жанром стран буржуазного и т. д. Слово, охватывающее все эти категории литературы — художественного явления имеет силу и значение лишь в рамках конкретно-исторических условий, в которых они порождены. Если Грив хочет быть последовательным, он должен объявить войну против использования этих категорий в нашей советской художественной литературе». Такова логика т. Ральцевича.

Буквально то же самое повторил лгуности о романе В. Ф. Переврезова. Одно из двух: или роман и эпос, как таковые, при всех своих изменениях суть внеисторические постоянные формы литературы, и тогда их можно использовать социалистической культуре, или раскрытие этих форм связано с определенными эпохами, и тогда они, очевидно, ра-

навозла умерял омакс с нгм. Хо рошито, усуду омакс своим расу жепитом т. Ральцевич только что побитым в Москве охотью переверевничю. Это, впрочем, не так уж удивительно, если вспомнить, что еще в 1929 г. т. Ральцевич помещал в журнале «Революция и культура» статью в защиту Переврезова и его школы.

Вопрос об исторических судьбах романа слишком сложен, чтобы можно было остановиться на нем подробно в рамках этой статьи. Ясно, однако, что т. Ральцевич рассуждает совсем не в марксистском духе. У него система жанров — в одном кармане, история литературы — в другом. Но почему бы т. Ральцевичу не предположить, что роман, будучи осязательной определенностью исторической эпохи, остается в качестве завоевания художественной культуры? Разве специфические черты романа исчезают от того, что вместе с развитием буржуазного общества устраняется определенность эпохи литературного жанра? Если бы т. Ральцевич вместо своих социалистических рассуждений обратил внимание на развитие советской литературы, то он увидел бы характерное для нее обложение жанров, включение в роман больших эпических элементов, элементов непосредственной общественной реальности. Тогда отпадал бы необходимость приписывать т. Гриву чудовищно-чуждую мысль о неужитости романа в эпоху социалистической культуры.

Всего удивительнее то, что став целью на позицию Переврезова в вопросе об отношении жанров к истории литературы, Ральцевич тоже выдвигает большую голову на злобную истину: «В действительности он (т. е. Грив) именно и протаскивает переврезовщину в ее наиболее аляповатой форме, т. е. шулятиновщину».

Опять известный уже нам прием «Держите зор!».

Да, удивительный номер газеты выпустит в свет т. Ральцевич 26 февраля 1935 г.